

Невероятно познавательны и интересны описания путешествий, совершенных Ильей Федоровичем. Тут и поездки по России: Новгородская область, волжские города, Тихвин, Ниолово-Сорская пустынь, Вышний Волочек, Карелия – о них известно из многочисленных публикаций Тюменева в журналах «Исторический вестник», «Всемирная иллюстрация», «Живописное обозрение», «Нива» и др. Ездил он в Выборг и др. российские города, в Крым, а также за границу: в Финляндию, страны Европы, совершил большое «Восточное» путешествие [2]. Каждое такое описание – самостоятельное прекрасное художественное произведение, насыщенное историческими подробностями и нередко уникальными сведениями о быте и культуре тех мест, в которых оказывался Тюменев.

Автор «Моей автобиографии» прекрасно понимал значение происходящих вокруг событий, и описывал все значимые ситуации, связанные с крупными личностями. Так, относительно недавно введен в научный оборот фрагмент «Автобиографии» с описанием похорон Ф. М. Достоевского [8], а также опубликован в полном тексте и – впервые – с иллюстративным материалом фрагмент, описывающий похороны М. П. Мусоргского [6].

Всё вышесказанное – лишь немного, что содержит в себе этот удивительный документ. Введение его в научный оборот в полном объеме поможет раскрыть множество «белых пятен» культурного пространства России второй половины XIX в. и рубежа веков.

1. Власова, Р. И. Андрей Петрович Рябушкин. Жизнь и творчество 1861–1904 / Р. И. Власова, Б. А. Соловьева. – М. : Аватар, 2014. – 224 с.
2. Михайлова, Е. А. «Восточное путешествие» И. Ф. Тюменева (1874): фрагмент неопубликованной автобиографии / Е. А. Михайлова // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании : материалы XXXIII Международной научной конференции. / Российский государственный гуманитарный университет, Историко-архивный институт ; Высшая школа источниковедения, специальных и вспомогательных исторических дисциплин. – М. : Институт всеобщей истории РАН, 2020. – С. 282–284.
3. Михайлова, Е. А. Неосуществленные оперные замыслы Н. А. Римского-Корсакова (по материалам Отдела рукописей Российской национальной библиотеки) / Е. А. Михайлова // История отечественной культуры в архивных документах : сборник статей. – СПб. : РНБ, 2020. – Вып. 1. – С. 67–77.
4. Михайлова, Е. А. Томмазо Сальвини в Петербурге (1900 г.): фрагмент автобиографии И. Ф. Тюменева / Е. А. Михайлова // Русская литература в российско-итальянском диалоге XXI в.: критика текста, поэтика, переводы / редкол.: М. И. Щербакова (отв. ред.) [и др.]. – М. : ИМЛИ РАН, 2020. – С. 288–312.
5. Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. – Ф. 796. Оп. 1. Ед. хр. 7, 8, 12, 15–21.
6. Рахманова, М. П. Два эпизода: Морской корпус и Александров-Невская Лавра / М. П. Рахманова // Искусство музыки: теория и история. – 2015. – № 13. – С. 74–95.
7. Тюменев, И. Ф. Воспоминания о Н. А. Римском-Корсакове / публ. М. О. Янковского // Музыкальное наследство. Римский-Корсаков : исследования, материалы, письма : в 2 т. – М. : Изд-во АН СССР, 1954. – Т. 2. – С. 177–247.
8. Тюменев, И. Ф. Из дневника / публ. Н. Н. Фонаковой // Ф. М. Достоевский: новые материалы и исследования / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького ; Ред. И. С. Зильберштейн и Л. М. Розенблюм. – М. : Наука, 1973. – С. 337–346.

Богдашина Е. Н.

ИСПИТАЯ ДО ДНА ЧАША СТРАДАНИЙ: ЛЕСЯ УКРАИНКА В СЕМЕЙНОЙ ПЕРЕПИСКЕ КОСАЧЕЙ–ДРАГОМАНОВЫХ

Семейная переписка двух знаменитых породнившихся семей Косачей и Драгомановых, в первую очередь письма Леси Украинки (псевдоним Ларисы Петровны Косач-Квитки) с родителями и другими членами своей семьи, является важным видом ego-источников для изучения ее биографии, в том числе углубленного изучения влияния туберкулеза костей и суставов и других болезней поэтессы на формирование и дальнейшую эволюцию ее жизненного сценария. Именно в переписке с родственниками Леся Украинка более откровенно обсуждает пережитые своей жизни, в т. ч. проблемы со здоровьем. Одному из своих друзей О. С. Маковею нежелание делиться подробностями своей личной жизни она объясняет в письме из Колодяжного от 14 сентября 1893 г. так: «Всякий человек имеет право защищать свою душу и сердце, чтобы не врывались туда силой чужие люди, словно в свой дом, по крайней мере пока живет хозяин того дома» [1, с. 223].

В работах Е. Богдашиной и А. Осипова, И. Денисюка и Т. Скрипки, Л. Минковой, В. Онипко, В. Святовца [5–6, 8, 11–13, 15] анализируется переписка членов двух семей. В статьях С. Геника [7], А. Кицеры [9], В. Пустовит [14] цитируемые фрагменты писем поэтессы и ее родственников больше посвящены болезням Леси Украинки. К сожалению не все аспекты указанной темы (к примеру, влияние болезней на отношения с родственниками, виды занятий, места проживания) освещены достаточно основательно.

Характеристика медицинской составляющей в семейной переписке Косачей, в т. ч. оценка влияния болезней поэтессы на коррекцию ее жизненного сценария, и является целью нашей статьи.

Большую часть опубликованного эпистолярия Леси Украинки, Елены Пчёлки (на украинском языке Олени Пчілки), других членов семей Косачей и Драгомановых составляют письма друг другу.

Нами использованы прежде всего письма Леси Украинки, напечатанные в 11–14 томах полного академического собрания сочинений [1–4], обнародованного месяц назад в конце февраля 2021 г. Большая часть из них была напечатана ранее в двух предыдущих собраниях произведений Леси Украинки: в 5-м (1956 г.), 9-м и 10-м томах (1965 г.); в 10-м, 11-м и 12-м томах (1978–1979 гг.). Также в статье учтены, частично использованы и другие его-источники: письма других представителей семей Косачей и Драгомановых, а также воспоминания О. П. Косач-Кривинюк, в которых она цитирует и комментирует переписку своих родственников.

Леся Украинка с раннего детства тяжело болела, перенесла несколько операций, долгое время вынуждена была соблюдать постельный режим. Петр Антонович и Ольга Петровна Косачи были рядом в ее юности и в послеоперационные периоды. Став взрослой, Леся Украинка месяцами проживала на юге Российской империи (главным образом в Крыму, а последние годы в Грузии), а также в странах, больше подходивших ей по климату: Италия, Болгария, Египет.

Неслучайно здоровье Леси Украинки постоянно обсуждается в письмах дочери с мамой, отцом и другими родственниками.

Отец очень переживал за больную дочь. В письме от 25 февраля 1886 г. П. А. Косач пишет Драгомановым: «Леся несчастная девочка. Сегодня... ей 15 лет. Она уже с мамой, только совсем тоненькая да хиленькая... Киевские аж три хирургические знаменитости решительно требуют привезти больную в Киев, чтобы там ее оперировать, иначе пропадет нога да и сама Леся заболит чахоткой. Да у нее и теперь что-то не в порядке. Леся сама и шагу не может ступить, боль в суставе невероятная, а тут еще такая тяжелая и опасная операция грозит» [10, с. 61]. Приговором будущему своей старшей дочери явились следующие слова П. А. Косача в этом же письме: «Обидно даже думать при таком состоянии о Лесиных способностях и талантах. Может и пригодятся ей, искалеченной. Потому что не может она быть другой, какие искусные не были бы киевские хирурги» [10, с. 64]. В другом письме Драгомановым от 18 июня 1887 г. отец отмечает негативное влияние прогрессирующей болезни на поведение дочери: Леся «может ходить только с костылями. Это доводит ее до отчаяния. Очень она нервная, делает все с задором, или читает, или шьет, или играет на фортепиано. О себе совсем мало заботится» [цит. по: 7, с. 199].

Мама также постоянно переживала за здоровье дочери. Ольга Петровна описывает в письме к сыну Михаилу какие душевные муки она испытывает от страданий дочери: «Я боюсь, что все же Лесе придется вернуться к костылям... Целый вечер я вчера плакала и не знаю, что делать» [цит. по: 8]. В другом месте Елена Пчёлка прямо высказывается относительно безнадежности лечения туберкулеза костей дочери: «Леся терпит, т. е. молчит, и думает, что я не вижу ее мучений всякого рода, что я даже не слышу, как она порой ночью плачет. Я все слышу и все вижу, а ее состояние физическое лучше вижу, чем она сама. Она, может, еще немного надеется на илечение, а я не надеюсь ни крошки – все эти паллиативы – это одно наваждение и скорбная процедура, долгая, мучительная, тянущая жилы и с больной, и с целой семьей» [цит. по: 8]. А в письме к И. Я. Франко, у которого на то время сильно болел сын, мама поэтически откровенно пишет осенью 1891 г.: «По-моему, небольшую услугу делают слишком непутевым детям, когда ...силой задерживают их при жизни; по крайней мере я, глядя на Лесю, не раз и не два винила себя, что спасла ее, когда она сильно болела на первом году жизни. О, моральные слабости. Или же смерть не была бы лучшей судьбой, чем теперешняя жизнь, которая у нее, и у всех самых благосклонных людей будит только тяжкое сожаление. Ну, и что о этом говорить! Как я, так Вы не сможем поступать по холодному уму спартанцев – сознательно укоротить жизнь непутевому ребенку. Дай бог, однако, чтобы вы со своими дополнительными мерами у бедного Петруся были счастливее, чем я у Леси!» [цит. по: 8].

Леся Украинка чувствовала вину перед мамой и другими членами большой семьи, что доставляет своей болезнью столько хлопот родным. Об этом она пишет в извинительном тоне в письме матери от 7 января 1908 г. из Ялты: «Меня не пугает ни та операция, ни другие огорчения, мне только жаль, что все это причиняет грусть и заботы близким людям, – пора бы уже почтить от моей „богини“» [4, с. 79].

Свои постоянные поездки по Российской империи и Западной Европе для консультаций с именитыми врачами, операций, проведения лечебных процедур Леся Украинка принимала как необходимость. В письме из Луцка от 18 декабря 1890 г. племянница сообщает М. П. Драгоманову о своих планах ехать в Вену на консультацию: «Обидно мне очень, что придется изнывать по тем клиникам, – это стоит ада! – но уже нечего делать» [1, с. 113].

Родители тратили большие средства на ее лечение, особенно за рубежом. Осознавая, что новая дорогостоящая операция в Берлине, серьезно ухудшит состояние семейного бюджета, Леся Украинка пишет матери 22 марта 1898 г. из Ялты: «... Я никогда не ставила себя ни центром мира, ни центром нашей семьи, а потому прошу обсуждать программу моего счета, принимая во внима-

ние общий бюджет и общие потребности и порядок жизни нашей семьи. Не принося сама жертв, я не хочу принимать их от других» [2, с. 123].

Письма Леси Украинки к родителям свидетельствует о постепенной эволюции отношений: открытые высказывания поэтессы становятся сдержанными. Она замыкается в себе. Эти изменения, на наш взгляд, были обусловлены неодобрением родителями, особенно мамой, поведения дочери, в частности ее влюблённости в С. К. Мержинского (1870–1901), а позже ее отношений с К. В. Квиткой (1880–1953). Вопреки воле родителей Леся Украинка, которой недавно самой удалили часть тазобедренного сустава, три месяца (7 января – 3 марта 1901 г.) ухаживала за умирающим от туберкулеза в Минске С. К. Мержинским [6, с. 152]. В годовщину его смерти в письме из Сан-Ремо к общей знакомой В. Д. Александровой Леся Украинка объясняет 16 марта 1902 г. причины неприятия родственниками ее отношений с С. К. Мержинским: «Я, кажется, тогда неточно написала о «враждебности» моих близких. Я не думаю, что они сознательно враждебны к его памяти вообще, а только специально к моей памяти о нем, и в этом, м [ожет] б [ыть], невольно виновата отчасти и я сама, т [ак] к [ак] первое время не всегда успевала скрыть резкие проявления моей печали, пугала этим и заставляла жалеть их, зачем допустили меня до этой «жертвы», как они это называют. Но, конечно, тут не было жертвы, – я же просто сама не могла бы иначе поступить, чем поступила. Некоторые, правда, не только не видят никакой жертвы, но, напротив, видят эгоизм в том, что я, забывши о других своих обязанностях, о людях, которые меня любят, поставила на карту свое здоровье «ради личного дела», – может быть, эти больше правы, но я хотела бы знать, сказали ли бы они то же самое, если бы это был не друг мой, а муж, брат или отец? Пожалуй, нет, – а если так, то они не правы, т [ак] к [ак] требуют от меня чего-то сверхчеловеческого» [3, с. 78].

Ухаживая за умирающим С. К. Мержинским Леся Украинка еще не предполагала, что ее уже знакомый К. В. Квитка, которого она называла «Цветочек» и «Клёня», станет её будущим мужем.

Оба избранника были больны чахоткой в тяжелой форме. Письмо от 6–7 мая 1902 г. свидетельствует о непонимании Лесей Украинкой переживаний матери по поводу возможного заражения легких туберкулезной бациллой от обоих мужчин. Поэтесса резко заявила своей матери: «Это очень хорошо, когда тебе „зараза“ менее страшна, чем „предрасположение“, и я совсем ничего не имею против того, что ты искренне мне говоришь о том, как ты смотришь на мое состояние, – я вообще не „мнительна“ и никаких страшных слов (и вещей) не боюсь. Мне только тяжело, что ты все кого-то обвиняешь. Или от того легче? Нет, мамочка, никто не мог ничего от меня отвернуть. Я не так бесхарактерна, как порой кажусь и как привыкли меня считать, и в решительные минуты только я сама могу себе помочь или пожалеть, а больше никто; это я говорю на основе определенного опыта. Кто мог бы меня отвратить, чтобы я не была с Дорой при ее дифтерите? Кто был виноват, если бы я тогда заболела? Я думаю, никто. Так и теперь. Если уж кто виноват, то только я сама, так что меня можно винить, но ведь тогда ты возьмешь обратно то страшное слово „проклинаю“? Правда ведь, правда? Я совершенно искренне признаю, что я таки очень была виновата, нанеся тогда всем столько заботы ...за меня, но только я уже и так достаточно „проклята“ этой Мойрой или как там она называется, тая „Лесина богиня“... Ну, да хватит уже о сю обидную тему, то все вещи прошедшие» [3, с. 105–106].

Когда родители узнали об интимных отношениях между дочерью и К. В. Квиткой, Косачи устроили паре бойкот. Леся Украинка писала к сестре Ольге в письме от 5 марта 1902 г.: «Наши было устроили мне „бенефис“, взяли да на целых три недели и замолчали, никто ни слова! ...Я уже было просто „до чертиков“ дошла и такие письма писала, что аж самой тошно, и наконец они опомнились и отозвались» [3, с. 64]. И далее поэтесса описывает свои чувства к новому избраннику (больше похожие на материнские, чем любящей женщины к мужчине): «Цветочек следует бы „взять в руки“, страх оно бедное теперь. И еще, как на зло, и материальные дела черт знает как стоят. И еще врачи наговорили ему всяких глухостей – может, даже несерьезно, – и то еще хуже смущают его» [3, с. 66]. Леся Украинка начала идеализировать нового избранника, характеризуя К. В. Квитку в письме из Сан-Ремо к сестре О. П. Косач-Кривинюк 14 января 1902 г. следующим образом: «Он такая чудесно-чистая натура» [3, с. 34].

Елена Пчёлка враждебно отнеслась к выбору дочкой спутника жизни. Из письма Леси Украинки к сестре Ольге от 29 декабря 1902 г. мы узнаем детали: «У мамы пробилося какое-то несправедливо-предвзятое отношение к Клёне... У мамы был неприятно-холодное выражение в его присутствии, отворачивание глаз, ответы сквозь зубы, закрывание себя газетой или книгой и т. п. „симптомы“» [3, с. 160–161]. В этой битве сильных характеров Леся Украинка не согласна с маминым отношением к К. В. Квитке: «Это, я уже вижу, начинается „ревность материнская“, но все равно, может, у той ревности будет дальше еще больше поживы, а своего отношения к Клёне я не изменю, разве что в направлении еще большей привязанности, во всяком случае, не мамины холодные мины могут нас посорить. Только все-таки это обидно, и тяжело, и фатально, что ни одна моя дружба или симпатия не могла до сих пор обойтись без этой ядовитой ревности... со стороны

мамы... Клёня как есть ничем не провинился против мамы, наоборот, сначала он даже очень ее идеализировал, да и потом, когда уже факты значительно разбили ту идеализацию, то он всегда относился с уважением и без малейшей огорчения» [3, с. 161].

Сначала не воспринимал такой союз и П. А. Косач. В одном из писем к отцу Леся Украинка 14 июля 1901 г. писала о своих отношениях с К. В. Квиткой: «Было бы очень странно, если бы я при таких обстоятельствах ни с того, ни с сего сказала бы ему: я не хочу, чтобы вы были там, где я. Это даже имело бы какой-то странный смысл. Мне неприятно, что и ты ему об этом говорил, так словно он сумасшедший или заразный, что уж с ним в одном городе жить нельзя. Впрочем, это твое дело. Только я никого „не удерживаю“, но и не прогоняю никого без причины, говорю это просто и прошу не злиться за это, – я держусь в этом деле нейтрально, потому что иначе не умею. Не знаю тоже, почему выражение симпатии ко мне чи забота о моем здоровье должна называться „вмешательством в наши семейные дела“, – когда так, то и совет твой „ехать в Швейцарию“ тоже есть „вмешательство“? Мне чего-то неприятно то, что ты задаешь вопрос, быть ли Квитке там, где я, или нет, – это меня ставит в фальшивое положение. Я ему ничего говорить не буду, пусть себе как хочет, делает, а тебе говорю совершенно искренне, что он мне ничем не мешает такой, какой он теперь. Кажется, он имеет ту же идею о моей слабости, что вы (только не говорит ничего), и потому „щадит“ меня до смешного... Мне вообще смешна моя роль – я себя считаю здоровой, а меня все считают серьезно больной» [2, с. 377].

Родители не воспринимали первоначальное сожительство с будущими мужьями и двух других дочерей: Ольги и Оксаны. Для понимания ситуации внутри семьи Косачей очень важны рефлексии Леси Украинки, изложенные в письмах к матери, сестре Ольге и её будущему мужу. 28 января 1902 г. из Сан-Ремо поэтесса пишет сестре Ольге: «Господи, что за фатум недразумения и неискренности висит над нашей семьей! И откуда эта несчастная традиция? Кто ей дал начало?.. Ну, да что думать о том, может, хоть теперь каким героическим усилием можно будет поправить дело, внести нормальную ноту в этот ненормальный, натянутый стан вещей. Я тебе подам факты, может, тебе неизвестные. Ты думаешь, что с тобой молчат из-за того, „что неинтересно спрашивать“. Между тем я знаю, что им очень интересно, а почему не спрашивают, на то разные причины. Еще летом, когда только что после простых и откровенных разговоров установилась эта ваша „тактика молчания“, мама писала мне: „Разговоры о браке затихли, Лилия ни словом не вспоминает, когда и как то должно быть, ну, а уж мы» [3, с. 41–42]. И далее в этом же письме о переживаниях родителей по поводу незамужнего статуса беременной дочери: «Мама несколько дней плакала и рыдала по углам, пока осмелилась произнести тебе свое желание о формальном венчании... опять же и папа обижается на г [осподина] Крив [инюка], что он до сих пор сам ни слова не говорил о ваших планах, а сам папа опять таки не решается говорить, потому что это получится, „что он свою дочь навязывает или выпихивает“» [3, с. 42]. И далее в письме изложена собственная позиция Леси Украинки по поводу гражданских браков: «Мне на такие ситуации даже в театре тяжело смотреть, а то ведь терпеть их молча в своей семье! Ты, может, скажешь, что я и сама целыми годами молчу. Но то другое. В моих историях личных мне никто не мог ни помочь, ни повредить, они с меня начинались и на мне заканчивались и никого, кроме меня, не мучили, собственно, пока я о них молчала. Я и не начинала о них говорить, а когда приходило время, просто и на деле, хоть не на словах, обнаруживала, как я должен поступать. И это была крайность, и это в искренней нормальной семье не должно быть (при нормальных отношениях, напр [имер], с тобой я таки и не так себя веду), но то, как говорю, только меня угнетало. У тебя по-другому, потому что тут задет и второй, дорогой тебе человек, да и все мучаются этой „тактикой“. Так зачем же, зачем же, кому она нужна? Бросьте ее! Ты моложе, здоровее духом, отважнее, меньше искалечена жизнью, может, тебе легче будет взять на себя инициативу» [3, с. 43].

В письме к М. В. Кривинюку из Тбилиси 16 января 1905 г. Леся Украинка сообщала будущему зятю о семейной обстановке: «Разговоры с родственниками прошли тихо, мирно и с их стороны была полная толерантность. Когда так было до конца, то я очень рада, – значит, все мамины стрелы (папа стрел никогда не употребляет) обломались об меня и для Лили их уже не осталось; это не раз так бывало, и нет ничего удивительного, если и на сей раз так вышло. Дело в том, что с осени у меня с мамой (когда мы оставались вдвоем) немало было принципиальных и неприципиальных разговоров на тему о браке, венчании и т. п., тогда было с ее стороны масса слез, рыданий, досадных и уязвимых вещей, порой целые ночи проходили так, что хотя бы не вспоминать... те ночи надломили мне душу, и поэтому я, может, когда-то должен буду сделать даже такое, от которого вы с Лилей счастливо спаслись. Но если услышите обо мне что-то подобное, то не бросайте камнем, знайте, что тяжкие раны, а не собственная воля заставят меня сложить оружие. Во всяком случае, мне будет потехой то, что когда не себе, то своей самой дорогой сестре я помогла пробить дорогу к свободной и честной жизни; может, без моей борьбы ее борьба была бы трудней. Может...

а может, и нет, потому что мама всегда больше „боялась“ Лили, чем меня, и никогда не отваживалась говорить ей такого, как мне. Почему это так, не знаю, скорее всего, что я сама ... виновата, то есть виноват мой нрав, а насколько человек виноват по своему нраву, это уж взвесьте сами. Так или иначе, все же могу сказать, что я первая заставила маму логикой отступить от крайностей ее взгляда на невенчаный брак, и она сказала, что не считает себя в праве принимать некоего принуждения над Лилей в том направлении и искренне отступает от своих слов, будто она не хотела бы у себя принимать невенчанной дочери с ребенком» [3, с. 370–371].

Союз Ларисы Косач с Климентом Квиткой, мелким чиновником, к тому же бывшим существовавшим моложе, имел шесть лет (до 25 июля 1907 г.) характер гражданского, а не церковного («законного») брака. Гражданский брак в те времена осуждался, но поэтесса приняла решение «жить во грехе». О всё большей привязанности к уже официальному мужу свидетельствуют и следующие слова, высказанные в письме к знакомой М. М. Комаровой-Сидоренко 3 ноября 1907 г.: «Что касается меня, то я ни на один день не решилась бы покинуть К [лёню]; я не люблю даже, как он идет куда хоть на час без меня, потому что все мне кажется, что ему еще беда может случиться» [4, с. 72]. Вряд ли такую фразу Леся Украинка написала бы в письме к родителям.

Поэтесса согласилась на незаконный брак возможно еще и потому, что недооценивала себя как женщину [6, с. 153]. Низкая самооценка Леси Украинки была обусловлена ее болезнями, периодическими передвижениями на костылях, частыми пребываниями в больницах, плохо скрываемой жалостью со стороны некоторых окружающих. В письме из Сан-Ремо к сестре Ольге 28 января 1902 г. она хочет «сжечь себя, сжечь с энтузиазмом, с бессонными ночами, с порывами творчества» [3, с. 45]. И далее в этом же письме: «Но я понимаю, что я не имею права на это. Я, инвалид, недобиток, не имею права добить себя» [3, с. 45].

Низкая самооценка Леси Украинки была сформирована еще в детстве отношением Елены Пчёлки к дочери. Средняя сестра поэтессы О. П. Косач-Кривинюк подчеркивала, что мама неоднократно наносила душевные травмы своей старшей дочери [10, с. 36]. Мемуаристка вспоминала, что Ольга Петровна очень любила своего первенца – «яркого, показного» Мишу, а своего второго ребенка – Леся – в ее же присутствии называла «некрасивой, неумной» [10, с. 31], «недотепой, неинтересной, неразвитой» [10, с. 40]. Ребенка даже не приучали к будущей роли жены и матери. Маленькая Леся «никогда не имела кукол, никогда не играла ими и не любила их» [10, с. 32]. Хотя сама Елена Пчёлка в письме к Драгомановым 1885 г. достаточно высоко оценивает поэтические способности своей 14-летней дочери: «Леся прекрасный ребенок, такой без конца добрый, снисходительный для всех. Очень способная как к науке, так и к искусству. Она вполне очень хорошо и не по-панянском играет на фортепиано, особенно украинское. Играет и другие вещи. И это же только одну зиму брала уроки музыки. Леся пишет стихи и вполне сносно владеет стихом. Может, когда-то станет настоящей поэтессой» [цит. по: 8].

Не способствовали налаживанию отношений между дочерью и мамой властность и нервозность последней [6, с. 153]. Характерна ремарка Леси Украинки в письме к О. П. Косач-Кривинюк от 28 ноября 1899 г.: «У мамы нервы часто играют» [2, с. 256]. Понимала ли дочь, что часто мамина нервозность была вызвана дочкиными проблемами? Только отчасти. В письме к брату Михаилу из Киева 12 декабря 1893 г. Леся Украинка дает тиранической любви матери беспощадную характеристику: «Мама теперь сама очень уязвима... она беспощадна к тому, кого любит... пилила не раз и меня, и не то что пилила, а в самое сердце поражала, только... она уже совсем не подозревала, что мне больно от её слов... Вообще же она к нам была очень добра теперь и все говорила, что ей чего-то очень жаль нас, что мы е [й] (а особенно я) несчастными кажемся. Я думаю, это от того, что она скучает за нами» [1, с. 244].

Леся Украинка тяжело переживала свою физическую слабость, которая мешала ей учиться и работать. Осознавая свои физические недостатки, она показывает незаурядную волю к жизни. Об этом Леся Украинка пишет сестре Ольге в письме от 24 ноября 1897 г.: «Нельзя, грех быть инвалидом, когда так много работы и так мало людей, надо перестать им быть, когда не можешь сейчас, то через год, через два, через три, а все-таки надо выйти в люди! И я выйду или под ножом пропаду, а так не останусь» [2, с. 82]. Она в другом письме к ней 25 января 1904 г. просит не жалеть ее: «Пусть там говорят, что хотят, а я постараюсь доказать, что я таки не до конца инвалид, и докажу это – без слов» [2, с. 337].

Сила воли поэтессы отчетливо видна в письме к М. П. Драгоманову от 28 июля 1891 г. из Евпатории: «О, если бы мне не та нога, чего бы я в мире натворила!»! [1, с. 154].

Такие же бодрые слова Леся Украинка использует в письмах к матери и отцу. В письме к Елене Пчёлке от 12 марта 1898 г. из Ялты тяжело болеющая дочь оценивает свою жизнь как борьбу: «Мне кажется, что я имею перед собой какую-то великую битву, из которой выйду победителем или вовсе не выйду. Когда у меня действительно есть талант, то он не погибнет, – то не судьба, что погибает от туберкулеза или истерии! Пусть и мешают мне эти бедствия, но зато, кто знает,

не куют ли они мне такого оружия, какого нет у других здоровых людей» [2, с. 122]. В письме к П. А. Косачу от 10 мая 1903 г. она философски резюмирует: «да конечно, надежды надеждами, а жизнь жизнью, только все же лучше хоть надеяться» [2, с. 270].

В конце жизни поэтессы письма о перспективах лечения и самой жизни становятся менее оптимистическими. Леся Украинка оценивала борьбу с туберкулезом костей как «настоящую „30 летнюю“ войну» [4, с. 323]. Это высказывание в письме из Кутаисиси к сестре О. П. Косач от 8 августа 1912 г. характеризует состояние поэтессы очень красноречиво. И далее в этом письме без оптимизма: «Время когда-то и устать. Не вижу я никакой надежды... может, в лучшем климате меньше будет моментов обострения, но это уже не так важно – нужно быть богатой англичанкой, чтобы целый век гонять по курортам с какой-то медленной хронической болезнью» [4, с. 323]. Она обращает внимание на большие расстояния «и связанную с тем усталость», «курортную скуку», «дороговизну», несоразмерную с результатами [4, с. 323].

В то же время в переписке Леси Украинки с мамой, дядей и другими родственниками поднималось большое количество разнообразных вопросов общественной жизни, образования, науки, искусства, языка и литературы. Поэтесса часто делилась в этих письмах замыслами новых литературных произведений, обстоятельствами своего труда, успехами и неудачами. Например, Леся Украинка в письме от 6 февраля 1907 г. сообщает маме: «Не писала тебе, потому что стыдно было мне посылать письма без давно обещанного перевода, а между тем всякий хлопоты не давал мне восстановить или попросту насвежо написать эти вещи. Теперь этот перевод получился у меня ближе к тексту, чем тот русский, что вошел когда-то в статью, да и чем тот украинский, что потерялся. Я теперь лучше знаю метрику итальянскую, чем тогда, и оттого смогла передать далеко точнее размер этого стихотворения, могу даже сказать, что передала его совершенно точно» [4, с. 23].

Елена Пчёлка издала за свой счет первый сборник стихов Леси Украинки, устраивала ее произведения в разные журналы. Но дочь всегда мечтала о материальной независимости от семьи. Леся Украинка в письме к матери из Тбилиси от 8 декабря 1904 г. признается в мечте «хоть какое время пожить совсем самостоятельно, при внятной и ответственной работе, работе активной, какой-нибудь организаторской» [3, с. 366].

В письме к сестре Ольге от 26–27 апреля 1900 г. Леся Украинка признается, что ей комфортно в одиночестве: «Хочется уехать еще и из-за того, чтобы пожить в одиночестве. Не в моей натуре жить ...в такой хате, куда по сто раз в день кто-то может врывать» [2, с. 287]. И далее: «Вот только наши начнут говорить: «Да как же ты сама будешь, и с твоими припадками» и т. п., а тем временем мне именно лучше быть уж одной, чем в обществе, чем даже в семье. Скитания по курортам приучило меня к периодическому уединению, и принудительное случилось потом привычным» [2, с. 288].

Одиночество создавало лучшие условия для творчества, ставшего одним из средств временного забвения от болезни. Об этом она пишет в письме к О. П. Косач-Кривинюк от 28 ноября 1899 г.: «Мне работа, как и музыка служит порой вместо горчишника (морального, конечно)» [2, с. 255]. И далее в письме поэтесса сравнивает свое творчество с распространенным в те времена обезболивающим наркотиком, который вынуждена была принимать: «Я знаю, что очень невозвышенно употреблять литературу вместо морфия, но все же это лучше, чем морфий употреблять вместо литературы» [2, с. 255].

Тяжелое состояние здоровья не помешало поэтессе постоянно заниматься самообразованием. Леся Украинка изучала языки. В письме из Колодяжного к супругам Драгомановым от 30 августа 1892 г. она пишет о своем желании «знать все главные европейские языки» [1, с. 194]. В другом (от 24 ноября 1893 г.) письме к М. П. Драгоманову, Леся Украинка из Киева сообщает дяде о своих успехах в изучении английского языка, ставя цель читать «Шекспира в оригинале» [1, с. 242].

Помимо литературных произведений, она читала научные и публицистические труды, занималась переводами. В письме от 29 сентября 1894 г. из Софии племянница благодарит М. П. Драгоманова за критику ее переводов, так как «до сих пор никто со мной не говорил так, как Вы, критика моих знакомых и родных оборачивалась больше на язык, стиль и т. п.» [1, с. 330–331].

Другим спасением для больной становились многочисленные путешествия. Писательница во время путешествий в Италию, Египет, Болгарию, Швейцарию, Германию подробно описывала увиденное в письмах к родным. Путешествия облегчали ее моральное и физическое состояние. В письме из Колодяжного к М. П. Драгоманову от 15 марта 1892 г. поэтесса признает, что «блуждание» «вошло уже мне в кровь, как наступает весна: меня в водоворот тянет» [1, с. 184]. Она из Колодяжного в письме к Драгомановым от 30 августа 1892 г. сравнивает себя с известными путешественниками: «Если бы я была здорова, то, может быть, вышел из меня Вамбери или второй Пржевальский, потому что имею очень бродячую натуру» [1, с. 193] и мечтает о путешествии «вокруг света» [1, с. 193].

Надежды на то, что болезнь отступит, усиливались весной. Весной 1893 г. из Колодяжного она писала в письме к семье Драгомановых: «Я теперь в весеннем настроении и мыслями уже не дома, а по мирам летаю. Простор для мыслей велик и планов тьма, мне даже это по нраву, что я не знаю еще ничего определенного, где буду летом. Я бы хотела быть летом когда уже не в Болгарии, то где-то на Днепре и на порогах. Во всяком случае думаю, что это лето будет для меня лучше и приятнее, чем прошлогоднее было. А осенью уже черкну через море!» [1, с. 206].

Письма (преимущественно к родственникам) последних двух лет заполнены перечислением результатов анализов, в основном мокроты и мочи [4]. Кроме туберкулеза костей, осложненного распространенною в те времена чахоткою (туберкулезом легких), с 1907 г. нефрита и цистита, поэтесса часто болела ангиной, ларингитом, бронхитом и инфлюэнцией (гриппом) [14, с. 76–78, 82], что конечно же серьезно снижало ее работоспособность. Пришлось Лесе Украинке переболеть еще малярией и трахомой [14, с. 76].

Изложенный материал позволяет сделать некоторые выводы. Проанализированная семейная переписка Косачей и Драгомановых позволяет утверждать близость и духовное родство представителей рода. Анализ переписки Леси Украинки показал большое влияние главной болезни Леси Украинки на ее жизнь и творчество. Поэтесса всю жизнь тяжело болела, перенесла несколько операций, долгое время была вынуждена соблюдать постельный режим. Поэтому течение болезни Леси Украинки постоянно обсуждалось в письмах.

Переписка поэтессы с семьей свидетельствует о некоторой эволюции отношений Леси с мамой и отцом: открытость в высказываниях молодой поэтессы меняется сдержанностью, даже замкнутостью и закрытостью. Эти изменения, по нашему убеждению, были обусловлены неодобрением родителями ее страстной любви к С. К. Мержинскому, а впоследствии и (сначала внебрачных) отношений с К. В. Квиткой. Особенно отношения между матерью и дочерью были довольно сложными.

В то же время в семейной переписке поднято большое количество различных вопросов общественной жизни, образования, науки, искусства, языка и литературы.

Дальнейшее изучение писем Леси Украинки и других представителей славного рода Косачей-Драгомановых будет способствовать лучшему исследованию и популяризации жизни и творчества выдающихся представителей этого рода.

1. Українка, Л. [Косач-Квітка, Л. П.]. Повне академічне зібрання творів / Л. Українка. – Том 11 : Листи (1876–1896). – Луцьк : Волинський національний університет імені Лесі Українки, 2021. – 600 с.
2. Українка, Л. [Косач-Квітка, Л. П.]. Повне академічне зібрання творів / Л. Українка. – Том 12 : Листи (1897–1901). – Луцьк : Волинський національний університет імені Лесі Українки, 2021. – 608 с.
3. Українка, Л. [Косач-Квітка, Л. П.]. Повне академічне зібрання творів / Л. Українка. – Том 13 : Листи (1902–1906). – Луцьк : Волинський національний університет імені Лесі Українки, 2021. – 616 с.
4. Українка, Л. [Косач-Квітка, Л. П.]. Повне академічне зібрання творів / Л. Українка. – Том 14 : Листи (1907–1913). – Луцьк : Волинський національний університет імені Лесі Українки, 2021. – 616 с.
5. Богдашина, О. Відносини Лесі Українки та Олени Пчілки у родинному листуванні / О. Богдашина // Ідеологія національної аристократії (на пошану 150-річчя від дня народження Лесі Українки) : зб. наук. пр. за мат. всеукр. наук.-практ. конференції з між нар. участю, 25–26 лютого 2021 р. / наук. ред. Т. Єщенко. – Львів, 2021. – С. 277–283.
6. Богдашина, О. Життєва драма Лесі Українки в родинному листуванні Косачів-Драгоманових / О. Богдашина, О. Осипов // Збірник наукових праць. Сер. Історія та географія / Харк. нац. пед. ун-т імені Г. С. Сковороди. – Харків, 2018. – Вип. 55. – С. 151–157.
7. Генік, С. М. “Тілесна драма” Лесі Українки (хвороби і смерть Лесі Українки) / С. М. Генік // Прикарпатський вісник НТШ. Пульс. – 2013. – № 4 (24). – С. 195–217.
8. Денисюк, І. Турбота про Лесю [Електронний ресурс] / І. Денисюк, Т. Скрипка. – Режим доступу: <https://www.t-skrypka.name/LUkrainka/Gnizdo/Figures/OPchilka/Care.html>. – Дата доступу: 7.08.2021.
9. Кіцера, О. Вони лікували українського Шекспіра (Леся Українка і лікарі) / О. Кіцера // Ідеологія національної аристократії (на пошану 150-річчя від дня народження Лесі Українки) : зб. наук. пр. за мат. всеукр. наук.-практ. конференції з між нар. участю, 25–26 лютого 2021 р. / наук. ред. Т. Єщенко. – Львів, 2021. – С. 451–526.
10. Косач-Кривинюк, О. П. Леся Українка: Хронологія життя й творчості / О. П. Косач-Кривинюк. – Нью-Йорк, 1970. – 926 с.
11. Лихтенштейн, И. Е. Преодоление. Леся Украинка / И. Е. Лихтенштейн // Новости медицины и фармации в мире. – 2014. – № 9–10. – С. 24–27.
12. Минкова, Л. Леся Українка в листуванні родини Драгоманових : (за матеріалами софійського архіву І. Шишманова) / Л. Минкова // Радянське літературознавство. – 1971. – № 2. – С. 61–64.
13. Оніпко, В. Життєпис Лесі Українки в родинному листуванні Олени Пчілки / В. Оніпко // Волинь філологічна: текст і контекст : зб. наук. пр. / Східноєвроп. нац. ун-т ім. Лесі Українки. – Луцьк, 2016. – Вип. 22 : Універсум Лесі Українки. – С. 336–345.
14. Пустовіт, В. Соціокомунікативний аспект медичної теми в епістолярії Лесі Українки // Образ. – 2016. – Вип. 3. – С. 74–83.
15. Святовець, В. Ф. Епістолярна спадщина Лесі Українки: листи в контексті художньої творчості / В. Ф. Святовець. – К. : Вища шк., 1981. – 183 с.